

Rockmore T. Kant and Idealism.
New Haven; London: Yale University Press, 2007)

Изучение философии Иммануила Канта всегда представлялось заинтересованному в ней исследователю как верное средство для развития новых идей. Количество публикаций по Канту всегда было впечатляющим, но тем не менее интерес к нему от этого не снижался. Довольно часто в море кантоведческой литературы можно обнаружить весьма любопытные плоды творческих изысканий современных философов. Одним из них, предложившим собственное своеобразное видение проблем, поставленных критической философией Канта, является профессор Дьюкенского университета Том Рокмор.

Само название его книги «Кант и идеализм» звучит интригующе. Напрашивается вопрос: почему было бы не озаглавить свой трактат, к примеру, «Идеализм Канта», или «Кант об идеализме», или, наконец, «Критика кантовского идеализма», что выглядело бы гораздо понятнее и привычнее? В чем же тогда дело? Для чего автор избрал именно такую форму представления своего сочинения? Из-за склонности к определенному рода философскому эпатажу? Вряд ли. Ради корректного выражения целей своего исследования и ответственности формальной структуре книги? Возможно. Давайте посмотримся глубже.

Для автора важны обе части, обе темы, как в тесном переплетении и взаимосвязи друг с другом (фигура Канта как одна из узловых точек в развитии идеализма), так и по отдельности (проблема идеализма как философского направления или конкретные достоинства и затруднения собственно трансцендентального идеализма). Хотя все-таки проблематика идеализма как такового чуть ближе и чуть больше — развертываясь на богатейшем историко-философском материале от Античности до современности. И только уже в этих заданных рамках ставится и рассматривается вопрос: почему философия Канта столь важна для проблемы идеализма? Или, точнее, идеализма как проблемы, как явствует из понимания профессора Рокмора: идеализм для него не просто обозначение основной философской тенденции, но целый комплекс нерешенных задач, запутанных вопросов, ошибочных гипотез — в общем, туман заблуждений над океаном непонимания. Что, однако, не означает отрицательного отношения автора книги к самому идеализму.

Наоборот, как отважный первооткрыватель, профессор Рокмор осторожно нащупывает путь к загадке, традиционно именуемой «идеализмом». Среди некоторых наиболее насущных вопросов можно назвать следующие: что включается (или что должно быть включено в понятие идеализма); откуда произошел сам термин «идеализм», и кто его впервые ввел в научный оборот; какой смысл придавался понятию идеализма в разные периоды истории философии; каково его современное значение; представляет ли идеализм как философская тенденция одно единое направление или же плюралистичен по природе, являя собой хаотическое множество позиций и точек зрения; какую классификацию форм идеализма можно дать; что подразумевают под идеализмом его критики; возможно ли дать соответственно основным формам идеализма адекватное критическое рассмотрение?

Основой рассуждений автора становится его парадоксальное утверждение: идеализма как такового нет, так что его оппоненты борются с ветряными мельницами своего собственного воображения и историко-философского опыта, понимая под критикуемым объектом каждый свое. Профессора Рокмора интересует в первую очередь отношение к идеализму в современных философских направлениях, и трактовка в них трансцендентального идеализма Канта в частности. Чтобы предотвратить неточное или некорректное использование понятия идеализма, нужно всего лишь постараться понять его природу и историю появления. Рокмор категорически не согласен с теми, кто уничижительно называет идеализм гигантской философской ошибкой, отображением существующей идеологии, чем-то старомодным и устаревшим, противоречащим здравому смыслу.

Исследователь возражает против приписывания идеализму таких черт, как невозможность защитить свои позиции, неспособность ясно определить свои основоположения. Данные претензии необоснованны и даже абсурдны, особенно если учесть, что согласно вышеупомянутому рокморовскому утверждению идеализма как такового не существует. Это следует понимать так, что нет одного течения под названием «идеализм», нет общих принципов, разделяемых всеми теми, кого называют идеалистами, нет даже тех воззрений, где идейные совпадения были бы максимально полны. Невозможно противопоставлять себя или быть негативно настроенным против идеализма как некоего единого целого, потому что идеализма как единой доктрины просто не существует. С большей долей вероятности, иронично замечает профессор, острие вашей критики будет направлено на ту или иную форму идеализма, ту или иную его разновидность. Так что есть всего лишь различные виды того, что обозначается понятием идеализма, а не некое сплоченное целое, охватывающее и пронизывающее собой все свои составляющие.

Но если данное положение действительно разумно и адекватно для понимания, то откуда же возникает столь агрессивное или, что хуже, безразличное отношение к идеализму? Для автора причина достаточно очевидна — она заключается в нежелании или неспособности оппонентов идеализма тщательно разобраться, с чем же они имеют дело и присущи ли объекту их критики в самом деле те свойства и выводы, которые они вменяют ему в вину. Более того, некоторые антиидеалистические выпады производятся на основе элементарного незнания либо слишком беглого прочтения текстов оппозиционной стороны.

Несмотря на то что одни из самых интересных мыслителей западной философской традиции, по мнению Рокмора, считаются идеалистами, сам идеализм больше хулят и ругают, чем стараются понять и защитить. Для большинства людей то, что подразумевает под собой понятие идеализма, так и остается по сей день какой-то загадкой, *terra incognita*. Таким образом, одними из самых дурных причин для отвержения идеализма являются, во-первых, незнание того, что он собой представляет; во-вторых, отсутствие интереса; в-третьих, неоправданная враждебность.

В первом случае Рокмор опирается на высказывания Б. Рассела и К. Поппера, а также указывает, в качестве следствия, на неосведомленность даже в отношении позднего периода кантовской философии. Во втором случае профессор видит у некоторых современных философов прямую взаимосвязь между незнанием иных альтернатив и категорическим утверждением своих собственных. В третьем случае Рокмор замечает, что игнорирование чужих

точек зрения, особенно характерное для дискуссий двадцатого века, порождает отсутствие уважения к оппоненту лишь на том основании, что его позиция ничего более значительного не может предложить.

Правомерен вопрос, которым задается автор, заимствуя его из размышлений Б. Кроче о гегелевской философии: что же тогда живо, а что мертво, если говорить об идеализме? Если не существует идеализма как такового, то его нельзя ни опровергнуть, ни обосновать. Дать обоснование можно в этом случае лишь разновидностям идеализма, что само по себе трудная задача, почти невыполнимая для некоторых из них. Но прежде чем заниматься обоснованием, необходимо вначале решить, какие формы идеализма его достойны. Для этого нужно дать классификацию основных форм идеализма и осмыслить идеалистические подходы к знанию.

Рокмор выделяет три основных подхода: платонистский («старый путь идей»); «новый путь идей», распространенный в философии XVII в.; немецкий идеализм, в первую очередь критическая философия Канта.

Платонистский подход к знанию основывается на двух главных интенциях: принятии положений метафизического реализма и отвержении репрезентационизма. Точку зрения метафизического реализма иногда еще называют платоновским (или онтологическим) реализмом, подразумевая под ним претензию на достоверное непосредственное познание, независимость существующего от сознания субъекта мира как он есть.

Второй основной подход к знанию антиплатонистичен и репрезентационистичен. В узком смысле это относится к британскому эмпиризму, в широком — ко всем репрезентационистски настроенным философам. Под репрезентационизмом Рокмор предлагает понимать такой подход к знанию, при котором отношение между сознанием субъекта и независимо существующим внешним миром опосредовано идеями, мыслями, представлениями в нашем разуме. «Знать», согласно «новому пути идей», означает знать тот способ, посредством которого существует для нас мир не прямо, а через идеирепрезентации.

Таким образом, в достаточно простую когнитивную схему, данную платонизмом и состоящую из познающего субъекта и познаваемого объекта, существующего независимо от субъекта, вклинивается еще третий элемент — репрезентация этого познаваемого объекта, которая обеспечивает доступ к независимой внешней реальности.

Третий подход к знанию (и третий же, соответственно, тип идеализма) — немецкий идеализм. Рокмор относит к этому типу прежде всего Канта (хотя и с оговорками), Фихте, Шеллинга, Гегеля, Гельдерлина, а также Маркса. Когнитивный подход немецкого идеализма строится на отвержении как метафизического реализма первой позиции, так и репрезентационизма второй в пользу эмпирического реализма и эпистемологического конструктивизма. Фигура Канта, по мнению автора, совмещает в себе две эпистемологические модели: с одной стороны, репрезентационистскую, с другой — он несет в себе отчетливо выраженную конструктивистскую интенцию. Кант парадоксальным образом совместил два совершенно различных, несравнимых познавательных подхода, являя собой наивысшую точку репрезентационистических попыток объяснить мир и в то же время посредством своего коперниканского поворота в философии предлагая конструктивистскую форму идеализма.

Под конструктивизмом Рокмор подразумевает современную точку зрения на знание, предполагающую, что необходимым условием познания является

для познающего субъекта то, что он сам конструирует, задает, производит познаваемый объект. «Знать», согласно конструктивистской точке зрения, значит знать нечто эмпирически реальное, а не то, как это нечто есть само по себе, независимо от субъекта. Но не Кант впервые ввел в научный оборот конструктивистские методик, они имели место еще в математических изысканиях древних греков (математический конструктивизм), в работах Гоббса, Вико, Монтеня (как зачатки эпистемологического конструктивизма).

В кантовской философии Рокмор усматривает, однако, проявления эпистемологического репрезентационизма, находя его в непоследовательной позиции в отношении непосредственного знания. Что же касается приверженности «новому пути идей», то ее Кант подтверждает в своих критических замечаниях по поводу рационализма Декарта и британского эмпиризма, прежде всего Локка. По мнению автора, кантовская версия конструктивизма все-таки не совсем верна, но сам факт ее появления заслуживает внимательного рассмотрения как попытка дать удовлетворительный когнитивный подход. Профессор Рокмор специально оговаривает, что в своем исследовании занимается в гораздо большей степени проблемами, нежели личностями, эти проблемы породившими. Он не повторяет призыв Отто Либмана вернуться обратно к Канту, но настаивает на пристальном внимании к конструктивистскому подходу к знанию. Хотя, безусловно, степень продуктивности и обоснованности данного подхода (прежде всего в форме идеалистического конструктивизма) покажет время.

М. Ю. Васильева

**Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России:
Историко-философские очерки.
М.: Российская политическая энциклопедия
(РОССПЭН), 2007**

Книга, посвященная русскому неокантианству, вышла в серии «Humanitas» в 2007 г. и уже успела привлечь внимание не только исследователей кантовского критицизма, но и философской общественности в целом. Это связано с тем обстоятельством, что русское неокантианство все еще не раскрыло полностью присущего ему своеобразия и в связи с этим нуждается в адекватной оценке. Предложить разумный обоснованный анализ действительно очень трудной проблемы пытается Н. А. Дмитриева в своей работе. Надо отметить, что книга — первое исследование феномена русского неокантианства, которое появляется в особый для России период отвержения марксизма и переоткрытия русской философии. В рамках всего одной книги автор преподносит своему читателю разнообразнейший материал, связанный с самыми разными сторонами русского неокантианского творчества.

Автор акцентирует внимание читателей на том, что неокантианство, хотя и берет свое начало в Германии, распространяется «по всей толще философской рефлексии, формируя различные национальные неокантианские школы». Немецкое неокантианство играет всемирно-историческую роль, но вопрос, в какой именно степени, до сих пор остается невыясненным. В связи с этим данную монографию Н. А. Дмитриева считает необходимым посвятить